

В ленивом полусне...

«Южная Австрия достойна любви... Она очаровательна своей необычайной ухоженностью, уютном и дивным, чистым воздухом...»

Елена Иванова только что вернулась из очередной поездки. Она пела в Норвегии и в Англии, в Южной Африке и Чехословакии, в Югославии и Франции, в Китае и в Болгарии... «Мечтаю об Италии», — говорит она. Смешная мечта для певицы такого класса. Талантливая ученица Зары Долухановой Елена Иванова ныне — заслуженная артистка России, имеющая уже собственную «школу» в Гнесинском училище, солистка Московской государственной филармонии. У нее давно своя аудитория, ее выступления, ее сольные концерты собирают полные залы в Москве и Ленинграде. Ей подвластна вокальная музыка разных эпох и стилей.

У нее 150 (!) сольных программ. Она поет на 9 языках мира.

Читает — на 5. Говорит — на 3. И не владеет... «современным русским». Ну тем, понятным так называемым «нужным» людям. Позарез ей нужен толмач, импресарио, менеджер — называйте, как хотите, человека, который занимался бы устройством ее дел. И еще более позарез необходим спонсор, который бы понимал, с кем имеет дело. И получал бы удовольствие от того, что он не дает достаточно элитарному искусству умереть. Может быть, какой-нибудь потомок Мамонтова, Морозова или Дягилева обратит внимание на певицу, с мольбой простирающую руки на легком ветру теперешней культурной жизни?

— «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах».

— Почему — Чехов?

— Просто я постоянно слышу этот монолог Сони из «Дяди Вани» и все время ищу его в музыке. Ищу и — не нахожу. Кстати, интересно, что чеховские либретто обычно не ложились на музыку... Рахманинов, например, не смог использовать версию его «Черного монаха». Между тем проблема текста в музыке... Считается, скажем, что у Чайковского не слишком хорошие тексты. Но они настолько совпадают с его музыкальной фразой, музыкальная фраза настолько дополняет их и делает совершенно не похожими на себя в их первоначальном виде! Это серьезный камень преткновения для певца. Чайковского не спеть полным голосом: все разрушается от полного голоса... И я считаю, что оперный певец, если он берется за камерное вокальное творчество, должен быть на уровне Фишера Диска или Элизабет Шварцкопф. Необыкновенное чувство музыки, которое живет в них, определенным образом окрашивает и слово: это пение со множеством оттенков, свидетельствующее о внимании к деталям... Каждый романс представляет собой маленький рассказ.

— Это очень интересно, но перейдем ближе к предмету нашего разговора.

— Попробуем. Хотя говорить об этом больно. Все было очень просто. Он сказал, что не собирается подписывать со мной никакого договора. Потому что сам не знает, откуда вдруг взялась моя запись. Как это, говорю, «взялась», если она у вас в регистрационной книге? — В самом деле?.. Когда запись «нашлась», он как-то погрузистел... Впрочем, я уверена: если это им будет нужно, они вырвут лист из регистрационной книги — и не будет больше регистрации.

— Какая-то непонятная фантастическая история. Восстанавливаем: ты записываешь новый компакт-диск на фирме «Мелодия»; затем фирма делится на две, одна из которых становится дочерней и называется «Русский диск». Директор «Русского диска» Пароль берет твой диск... Так это же очень хорошо: значит, его продадут!

— Но куда «продадут» — в какую страну? И сколько получат за него?

— Не знаешь? Но, когда писали твои прошлые пластинки — «Маддалену» С. Прокофьева, «Вокальную музыку США», ты же была включена в план...

— ...и тут была включена, в план «Мелодии». Но для меня что «Мелодия», что «Русский диск»... Как и для

многих других — из тех, кто записывался в «Мелодии». Так попались десятки музыкантов. Та же Марина Тарасова — первая премия конкурса Чайковского и другие, у которых по три-четыре диска.

Понятно, что все мы пришли разбираться. Разбираться с Паролем. И вот он сидит перед нами и смотрит на нас с очень большим недоумением. А в глазах его и его подчиненных написано такое... Когда я поняла, что именно там написано, со мной случился гипертонический криз.

А дальше... Дальше нужно было включаться в кафианский какой-то процесс. «Приходите через неделю!» Но как прийти к работодателю, который уже обманул и который прямо в глаза заявляет, что он ни за что не отвечает и что исполнитель может идти вон?

А на Западе исполнитель — посредник между слушателем и Богом...

Я же чувствую себя словно в эмиграции: полное бесправие — грошовые гонорары, полная зависимость от воли

администрации филармонии, которая тоже ни за что не отвечает... ни за занятость музыканта, ни за его способность выжить на копейное пособие!

У меня концертов почти нет. Я получаю максимум два отделения в месяц, тогда как «норма» заслуженной — четыре сольных концерта... И я использую свой голос, кроме которого, кстати, у меня ничего нет, на звонки друзьям: прошу устроить где-нибудь концерт. Что ж делать, у меня ведь нет импресарио!

...Послушай, я там (на исчезнувшей пластинке. — Е.К.) пою:

«Проходят дни, проходят годы,
Прошло и лето, прошла и жизнь...»

А дальше — «Жива ли ты, душа моя?»... Гениальный романс, он называется «Дума». Это в сущности и моя дума... дума всякого творческого человека, особенно русского, — о том, как ему жить дальше.

А вот это на стихи Надсона:

«Я б умереть хотел
на крыльях вдохновенья
В ленивом полусне,
навеянном мечтой...»

Первый этап накопительства груб и непригляден. И ждать нам тут, по-моему, абсолютно нечего. Я знаю прекрасных художников, литераторов, искусствоведов, которые бьются как рыбы об лед, но не вступают в отношения, которые для них унизительны. Знаю людей, понимающих, что они не пойдут за дудочкой крысолова. Помнишь:

— Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
Я на дудочке играю,
Чи-то души веселя!

А остальные — они, наверное, пойдут. Город Гаммельн есть. Город Гаммельн. И я часто думаю, что описанная Цветаевой немецкая провинция, которую она так презирала, — наше ближайшее будущее.

...«Диссонанс» Полонского — там такой необыкновенный совершенно аккомпанемент: чарующие, сумрачные, дикие аккорды, которые просто грозят чем-то! Жаль, что ты не можешь послушать. Мрачно, сыро в лесу, пахнет грибами, плесенью — вместе с тем цветами... соединение лилового с зеленым, болотным — стопроцентный модерн.

— Можно сказать, что мы живем в эпоху «модерна»?

— Конечно, мы и живем в эпоху «модерна».

— Это пугает — конец века?

— Почему? Это не пугает. Достаточно забавно. Потому что опять конец века — конец века как начало нового. Я люблю эту категорию — искусствоведческую — «fin de siècle»: за ней целая философия, целая эстетика. Философия и эстетика искусства, утомленного от действительности, замкнувшегося на себе самом и зная ничего не желающего о том, что его окружает. Это ведь то самое искусство, которое не просит денег, которое позволяет — именно позволяет! — чтобы за него платили, считая такое положение вещей естественным. В философии и в эстетике конца века не искусство подчинено деньгам, а деньги — искусству. Ибо в конце века обычно понимают: выше искусства — только искусство: искусство — не для искусства, искусство — ради искусства, искусство как единственная цель собственных устремлений. Правда, я не очень надеюсь на то, что в конце этого века — так, как было, например, в конце прошлого — толстосумы будут драться за то, чтобы вкладывать деньги в издание той или иной книги, в запись той или иной пластинки, в создание музея... Ждать турниров едва ли следует. Но я — жду...

Беседовала Елена КОМАРОВА

Иванова Елена

6.12.94.